

Судебный процесс болгарского государственного преступника Трайчо Костова и его сообщников

(ОКОНЧАНИЕ. Начало на 3 стр.).

В заключение своих показаний Начев признал: «Если подтолкнуть мою деятельность и деятельность Костова и Стефанова, а также лиц, выполнявших их директивы, то станет ясно, какой огромный ущерб нанесен народному хозяйству страны. Должен заявить, что наша вражеская деятельность имела целью подорвать престиж и авторитет Центрального Комитета партии, руководимого Георгием Димитровым, а в итоге осуществления конечной цели заговора к власти должно было прийти правительство Костова с его политической обличия с капиталистическими странами, политикой отрыва от Советского Союза и насаждения титовщины в Болгарии».

Допрос Бориса Христов

Следующим допрашивается подсудимый Борис Христов, бывший болгарский торговый представитель в Москве. Христов признал себя виновным и дал подробные показания. Он рассказал, что стал сотрудником полиции — агентом-провокатором, как после сентябрьских событий в 1944 году по предложению Петко Кунине стал работать в экономическом отделе Центрального Комитета партии.

Во второй половине ноября, — показал Борис Христов, — я был вызван секретарем ЦК Трайчо Костовым, который сообщил мне, что я буду послан болгарским торговым советником в Москву. В своих инструкциях о моей работе в Москве Трайчо Костов сказал мне, что моя миссия в Москве состоит из двух частей, официальной и неофициальной. Это его сообщение очень меня поразило. Трайчо Костов тут же сказал мне, что по моей официальной линии я получу конкретные указания от Георгия Димитрова, который тогда находился в Москве. Что же касается неофициальной стороны моей миссии, то по этому вопросу Трайчо Костов изложил желание лично со мной поговорить.

Мое смущение нарастало. Трайчо Костов, заметив это, предложил мне присесть на диван и был особенно внимателен и любезен ко мне, располагая к откровенности. Трайчо Костов начал разговор о международном политическом положении. Он сказал: несмотря на то, что война между демократическим лагерем и фашистской Германией еще не закончена, уже вырисовывается новый вооруженный конфликт — между Советским Союзом и англо-американцами.

По мнению Трайчо Костова, еще не ясно, каким будет исход этого вооруженного конфликта, и поэтому Болгария должна пока держаться в стороне от него, чтобы не потерять военного разгрома. Он подчеркнул, что в этом отношении наша страна должна начать курс на последовательный, но решительный отход от политики дружбы с Советским Союзом. Он сказал, что Болгария необходимо освободиться от односторонних связей с Советским Союзом и установить связи с западными странами, главным образом с Англией и Америкой, и именно в этом направлении, — сказал он, — наше сотрудничество в качестве болгарского торгового советника в Москве может быть полезным».

Такая установка Трайчо Костова, — продолжал Христов, — меня поразила. Он заметил мое смущение и поспешил мне сказать, что решил на такой разговор со мной только потому, что знает о моей работе в Центральном Комитете партии и ему известны некоторые, как он сказал, «деликатные моменты из моего прошлого». Трайчо Костов сказал мне, что он знает, что я агент-провокатор, что я оказывал услуги фашистской полиции.

Это его сообщение изумило меня, — показывает Христов, — я был страшно смущен, испуган, удивлен и расстроен. Тайна, которая существовала между мной и погибшим после 9 сентября, бывшим фашистским полицейским Генчо Савановым, оформившим мое сотрудничество в полиции, оказалась известной секретарю ЦК партии, Трайчо Костову, что при создавшемся положении я должен буду принять его предложение о сотрудничестве по вопросам, которые он поставил передо мной. Я чувствовал, что вступаю на опасный путь, но не нашел в себе силы отказаться. Я дал согласие Костову выполнять возложенную на меня работу. Тогда он продолжил и конкретизировал задачи, которые будут поставлены передо мной. Он сказал, что моя основная задача в качестве торгового представителя в Москве должна заключаться в нарушении братских и дружеских отношений между Болгарией и Советским Союзом, что следует выжить влияние в эти отношения, работать на отрыв Болгарии от Советского Союза.

Приехав в Москву, — говорит Христов, — я явился к Георгию Димитрову и сообщил ему о моих намерениях. Он сообщил мне, что у него есть задание, которое я должен буду выполнять. Я дал согласие Костову выполнять возложенную на меня работу. Тогда он продолжил и конкретизировал задачи, которые будут поставлены передо мной. Он сказал, что моя основная задача в качестве торгового представителя в Москве должна заключаться в нарушении братских и дружеских отношений между Болгарией и Советским Союзом, что следует выжить влияние в эти отношения, работать на отрыв Болгарии от Советского Союза.

Георгий Димитров при встрече со мной подчеркнул, что Болгария в настоящий момент находится в тяжелом положении и нуждается в экономической, политической и всесторонней помощи Советского Союза. Он передал мне экономические нужды и сказал, что в настоя-

Христов показывает далее, что предпринятые попытки создать трудности в экономических отношениях между Болгарией и СССР — провалились.

Советские представители, — говорит Христов, — шли на уступки и решали то один, то другой вопрос в одностороннем благоприятном для Болгарии направлении. Георгием Димитровым, внимательно следившим за ходом переговоров, вмешивался в нашу работу и тем самым способствовал созданию деловой, дружественной, здоровой атмосферы.

Таким образом, все наши вражеские замыслы были сорваны Георгием Димитровым. Торговое соглашение 1940 года, которое было оценено как очень благоприятное для нашей страны, было успешно заключено, несмотря на то, что вместо заботливого руководителя делегации, министра торговли Нейкова, прибыл сам Трайчо Костов.

После окончания переговоров, — продолжает Христов, — меня посетил Жиберна и потребовал, чтобы я ему дал информацию о количестве, ассортименте, качестве и ценах товаров. Я передал ему и эти сведения.

В начале 1947 года в Москву с торговой делегацией прибыл снова для участия в торговых переговорах Боню Петровский и бывший тогда министром торговли Йордан Божиков. По словам Петровского, Трайчо Костов дал указание проводить вражескую работу в двух направлениях: требовать от Советского Союза большее количество товаров, чем то, которое нам действительно было нужно для нашей промышленности и сельского хозяйства, и поддерживать старые цены торгового соглашения 1946 года, хотя на международном рынке конъюнктура изменилась в пользу промышленных товаров.

На этот раз переговоры также затянулись, но нам были направлены советские товары авансом и наша промышленность, в особенности текстильная промышленность, была спасена от кризиса и простоя.

В этот момент ко мне, — говорит Христов, — снова пришел Жиберна. Он одобрил наш курс и посоветовал быть более твердыми и более неуступчивыми. Он сказал, что югославская торговая делегация, которая в то время прибыла в Москву, занимает такую же позицию.

В разгар переговоров руководителем делегации Божиков заболел. Тогда в Москву снова прибыл Трайчо Костов и вновь упорно продолжал защищать линию, которую до тех пор поддерживал мы, Боню Петровский и Божиков, — линию притеснений и срыва торговых переговоров между Болгарией и Советским Союзом.

Трайчо Костов пожелал познакомиться с югославским торговым советником Жиберной, и я познакомил их в одном из номеров гостиницы «Националь».

В это время Трайчо Костов встречался с находившимся в Москве югославским министром внешней торговли Петровичем, который устроил в честь Трайчо Костова обед, на котором присутствовал и Боню Петровский, так как он находился в тесной связи с его югославским коллегой, помощником министра внешней торговли Црнобрия.

Позже Трайчо Костов был принят югославским послом в Москве Владимиром Поповичем. После этих встреч мне показалось, что Трайчо Костов очень упорно и твердо проводит вражескую линию, которой мы придерживались во время переговоров.

Но и в 1947 году, продолжает показание Христов, наши усилия не оправдались. Торговое соглашение, очень благоприятное для нашей страны, было заключено.

Проктор Владимир Дамчев:

Подсудимый Борис Христов: Да, торговое соглашение было подписано с запозданием и, если бы Советский Союз снова не авансировал бы нас товарами, наша промышленность осталась бы без сырья и это вызвало бы затруднения в нашем народном хозяйстве.

Наша вражеская работа в этом направлении продолжалась и в 1948 году.

Во время ведения переговоров я снова посетил Жиберну, который снабдил необходимой информацией. Торговые переговоры по нашей вине опять затягивались.

В этот момент в Москву прибыла болгарская правительственная делегация во главе с премьер-министром Георгием Димитровым. Он предпринял все меры, благодаря которым торговые переговоры были завершены очень быстро и весьма благоприятно для нашей страны.

1 апреля 1948 года в Москве было подписано торговое соглашение на 1948 год. Наряду с другими соглашениями, регулирующими экономические и торговые отношения между Болгарией и Советским Союзом, соглашение на 1948 год явилось широкой базой для восстановления и дальнейшего развития болгарского народного хозяйства.

Жиберна, навестив меня тогда, говорил, — показывает Хри-

СССР, по которому товарооборот между этими странами был увеличен по сравнению с прошлым годом на 20 процентов.

После отъезда делегации меня опять посетил Виктор Жиберна. Он сказал, что Югославия решительно пошла по пути разрыва с Советским Союзом и что Болгария тоже должна идти по этому пути.

В марте 1949 года, сказал затем подсудимый Борис Христов, я был вызван на доклад в Софий. По прибытии я связался по телефону с Трайчо Костовым. Он пригласил меня к себе на дачу в Княжево. При встрече Трайчо Костов был в подавленном, мрачном настроении. Он рассказал мне, что Политбюро ЦК БКП известны все его преступления.

Заканчивая свои показания, подсудимый Борис Христов признался в том, что он был вовлечен в шпионскую и вражескую группу врагов болгарского народа Трайчо Костовым, что действовал для подрыва нормальных отношений между Болгарией и Советским Союзом и по поручению Трайчо Костова снабжал шпионскими сведениями работников югославского посольства в Москве.

Вечернее заседание 8 декабря

Допрос Николы Павлова

На вечернем заседании суд приступил к допросу подсудимого Николы Павлова, бывшего административного секретаря Политбюро ЦК БКП, впоследствии получившего пост заместителя министра строительства и путей сообщения.

Подсудимый признал себя виновным. Он заявил, что во время следствия против членов ЦК в 1942 году капитулировал перед начальником политического отдела болгарской полиции Геметом, подписав заявление о том, что отказывается от всякой политической деятельности, и обещал сотрудничать с полицией.

После того, когда он вместе с Трайчо Костовым попал в Плевенскую тюрьму, Костов сообщил ему, что знал о его капитуляции от самого Гемета, и добавил: «Нужно держаться дружно и следовать своей собственной линии. Из этого я понял, что Костов проводит и хочет проводить в дальнейшем свою левостранственную линию, которую он проводил до 1942 года».

После этого откровенного разговора, который я имел с Костовым, — сказал далее Павлов, — Костов в последующих разговорах раскрыл передо мной цели и задачи той работы, к которой он меня привлекал в Плевенской тюрьме. Костов не раз подчеркивал, что он имеет в виду захват руководства партией, когда партия снова станет легальной, а потом и правящей партией, после чего будет осуществлен захват и всего государственного управления.

По показаниям Павлова Трайчо Костов поддерживал в Плевенской тюрьме тесную связь также с Иваном Масларовым, Стефаном Богдановым и Георгием Ганевым. После 9 сентября 1944 года Трайчо Костов назначил Богданова и Ганева на ответственные посты в Управлении государственной безопасности, а Павлова — управленческим делами ЦК. В сентябре — октябре 1944 года Костов поручил Павлову найти его полицейское дело и передать это дело ему.

Трайчо Костов также потребовал от Павлова подобрать материалы, компрометирующие членов ЦК и других руководителей работников партии. Павлов подобрал компрометирующие материалы об Иване Масларове, Петко Кунине и Боню Петровском и передал их Костову.

После 9 сентября 1944 года Костов начал усиленно подбирать кадры для достижения своих целей, он помог Павлову стать членом ЦКК, а Петко Кунину — членом Политбюро. Иван Масларов был назначен на работу в Орготдел ЦК партии.

Таким образом, — сказал Павлов, — Костов окружил себя своими людьми в ЦК партии. Эти люди приводили политку, угодную и выгодную Костову. Какова эта политика, Костов разъяснил мне в начале 1945 года, во время одного из наших разговоров в его кабинете в ЦК. Костов тогда заявил, что «теперь мы навсегда связаны друг с другом» и он не намерен скрывать от меня еще одно важное обстоятельство, а именно, что он согласился «установить контакт с англичанами в лице их представителя при СКК полковника Бейли».

Далее Костов заявил, что Бейли сообщил ему о намерениях англичан расколоть с помощью Гемето Отечественный фронт и создать открытую оппозицию в стране. При этом Костов добавил, что мы должны считаться с этими планами англичан и не чинить препятствий и затруднений Гемето, который, по моему мнению, должен скоро вернуться в Болгарию.

И действительно, — сказал далее Павлов, — Гемето, вернувшись в Болгарию, развил широкую вражескую деятельность в стране и в Отечественном фронте. Это быстро скомпрометировало его, и он был отстранен от руководства Земледельческим союзом. Гемето сменил Никола Петков, который продолжил политику раскола Отечественного фронта, а впоследствии стал во главе открытой оппозиции в нашей стране.

От Костова я узнал, — продолжал Павлов, — что он установил тесный контакт с Николом Петковым, ссылаясь на то, что Петков действует также по указаниям и в интересах англичан. Далее Павлов подробно рассказал об известной уже по показаниям других подсудимых вражеской деятельности в экономической жизни страны, в чем особенно большую активность проявили Стефанов, Кунин, Кочемидов, Говедарский и др.

Павлов показал, что Костов осведомлен о его разговорах, которые Костов имел с агентами англо-американской разведки и с югославскими руководителями. Он сообщил ему также о планах присоединения Болгарии к Югославии.

Допрос Ивана Тудева

Затем суд допросил подсудимого Ивана Тудева, бывшего директора внешней торговли в Министерстве внешней торговли. Он полностью признал себя виновным.

В 1936 году, — сказал Тудев, — я, будучи на службе в болгарском торговом представительстве в городе Дюссельдорфе, связался с агентом английской разведки голландцем Нимееном, которому передавал сведения относительно болгарского импорта и экспорта.

В 1940 году я получил приказ английской разведки вернуться в Болгарию и продолжать там свою шпионскую деятельность. В Софий я установил связь с Улановой Рачо Петров, известной английской шпионкой, которой я продолжал давать сведения об экономическом положении Болгарии. За это я получил от Петровой 500 тысяч левов.

В 1943 году, — показал Тудев, — английская разведка предложила мне вступить в ряды коммунистической партии, ведя шпионаж внутри ее. От Султаны Петровой я узнал, что английские политики считают, что я без

ры, которые начались в декабре 1948 года и продолжались до апреля 1949 года.

Далее подсудимый Тудев заявил, что ему были известны рас-

Допрос Цоню Цончева

После Тудева был допрошен подсудимый Цоню Цончев, бывший директор Болгарского народного банка. Он признал свою вредительскую деятельность в финансовой области, которую он проводил вместе со своим двоюродным братом Иваном Стефановым.

В 1936 году он поступил на службу в статистический институт в Софий, директором которого являлся американский шпион Андерсен. В этом институте Цончев составлял месячные и годовые отчеты о хозяйственном положении страны, которые Андерсен передавал своим американским хозяевам.

В 1939 году, заявил далее Цончев, я уехал в США, где познакомился с агентами американской разведки Джеймсом Кларком и Кириллом Бляком.

В октябре 1945 года я был назначен директором Софийского статистического института, председателем правления которого был уже Иван Стефанов. В этот период американская миссия в Софий потребовала от меня регулярной передачи сведений об институте. Я посоветовался об этом со Стефановым. Он считал необходимым передавать такие сведения. Эти сведения, бесспорно, носили шпионский характер и были полезны для США.

В 1946 году в разговорах со мной Кирилл Бляк, находившийся в это время в Софий, не раз намекал мне о намерениях США вмешаться во внутренние дела Болгарии.

С Джеймсом Кларком я встречался в Софий три раза. Это

Разногласия в правительстве Бидо

ПАРИЖ, 8 декабря. (ТАСС). Не прошло еще полтора месяцев со времени формирования правительства Жоржа Бидо, как появились признаки, характеризующие непрочность позиций нынешнего французского правительства. На днях после довольно шумного заседания правительства, на котором обсуждался вопрос о цене на сахарную свеклу, ушел в отставку министр сельского хозяйства Филлимен, принадлежавший к той же партии, что и Бидо, — к партии МРП («Народно-республиканское движение» — близкая католикам партия). Вслед за Филлименом ушел в отставку заместитель стат-секретаря по вопросам здравоохранения Рибейр.

Официальная версия трагует причины отставки Филлимена в том духе, что последний, отстаивая более высокую цену на сахарную свеклу, «не поладил с Бидо». Однако разногласия по вопросу о цене на сахарную свеклу являются чисто внешним выражением глубоких противоречий внутри так называемого правительства «большинства». Речь идет прежде всего об общей экономической политике правительства Бидо.

Несмотря на тяжелое положение французского сельского хозяйства, страдающего от наводнения внутреннего рынка импортными товарами, правительство Бидо не только не борется против пассивного баланса французской внешней торговли, а продолжает, в ущерб национальной экономике, возвозить продукты сельского хозяйства.

Эта политика вызывает серьезное недовольство крестьянства, следствием чего и явилась отставка Филлимена.

В настоящее время в финансовой комиссии Национального собрания обсуждается проект бюджета на 1950 год. Даже представители политических партий, которые входят в правительство Бидо, отказываются по тем или иным причинам голосовать за представленный проект бюджета.

Во французских политических кругах выражают опасение, что дискуссия по проекту бюджета может закончиться отставкой правительства Бидо.

Уже сейчас упорно распространяется слухи о скорой отставке трех членов правительства — Жакно, Шастелена и Марселе-на.

И. о. ответственного редактора

В. П. АЛЕХИН.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРЕ И КИНО:

Облдрамтеатр им. А. С. Пушкина — «БЕСПРИДАНИЦА». Кинотеатр им. Шекспира — «СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА».

Кинотеатр «Смена» — днем — «СТЕПАН РАЗИН», вечером — «СНЕЖНАЯ ФАНТАЗИЯ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

—) на газету (—

„КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ“

на 1950 год.

«КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ» — газета Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

В газете освещаются вопросы: идеологической и агитационно-пропагандистской работы партийных организаций, общественной науки, художественной литературы и критики, кино, театра, работа культурно-просветительных учреждений, высшей и средней школы; публикуются обзоры центральных и местных газет и журналов; рецензируются новые советские и иностранные книги по вопросам политики, науки и культуры.

Газета «КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ» выходит 3 раза в месяц.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 месяцев — 18 руб., на 6 месяцев — 9 руб., на 3 месяца — 4 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях «Союзпечати» и всюду на почте.

КУРСКОМУ ПЕНЬКОТРЕСТУ требуются инженеры и техники-строители

Обращаться по адресу: г. Курск, ул. Добродюбова, 12, отдел кадров.

КУРСКОМУ ПТИЦЕТРЕСТУ требуется бухгалтер-ревизор

Обращаться по адресу: г. Курск, ул. Димитрова, 10.

МЯГКОВА Аполлина Сергеевна, проживающая в г. Курске, ул. Перовского, 8, возбуждает дело о расторжении брака с МЯГКОВЫМ Кириллом Сидоровичем, проживающим там же.

Дело подлежит рассмотрению в наруде 1-го уч. Ленинского района г. Курска.

ДУБОВИК Агриппина Федоровна, проживающая в г. Курске, ул. Перовского, 8, возбуждает дело о расторжении брака с ДУБОВИКОМ Владимиром Феофановичем.

Дело подлежит рассмотрению в Курском облсуде.